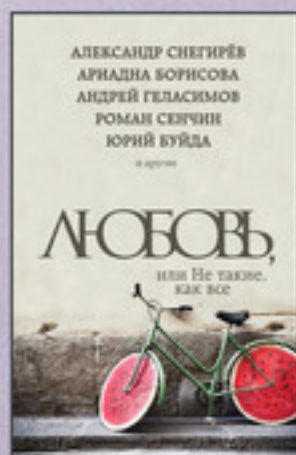

Алексей Лукьянов

Миленький

*Часть сборника
Любовь, или Не такие, как все
(сборник)*

Алексей Лукьянов

Миленский

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лукьянов А. С.

Миленький / А. С. Лукьянов — «Эксмо», 2016

««Газик» со снятыми бортами медленно (хотя и не так, как того требуют приличия и протокол траурного шествия) ехал по направлению к кладбищу. Кроме открытого гроба, обшитого кумачом, и наспех сколоченного соснового креста, в кузове никого не было...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лукьянов А. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
29 апреля 1980 года	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Лукьянов Миленький

© Лукьянов А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Пролог

«Газик» со снятыми бортами медленно (хотя и не так, как того требуют приличия и протокол траурного шествия) ехал по направлению к кладбищу. Кроме открытого гроба, обшитого кумачом, и наспех сколоченного соснового креста, в кузове никого не было.

Ни вечно пьяной, но с профессионально скорбным выражением на лицах похоронной команды; ни духового оркестра, вразнобой играющего третью часть шопеновской сонаты для фортепиано номер два, оратория тридцать пять, более известную как Траурный марш; ни моря цветов и жестяных венков с пластмассовыми цветами, выцветшими на солнце и перевязанными черными лентами с надписями «От жены и детей», «От сослуживцев», «От парткома и месткома». Не было и провожающих, тех самых жены и детей, сослуживцев, парткома и месткома, соседей, знакомых и просто случайных зевак, решивших проветриться в этот жаркий июньский полдень, а потом на халяву попасть на поминки, чтобы поесть рисовую кашу с изюмом, щи из квашеной капусты, пюре с котлетой, выпить рюмку-другую водки, запить компотом и положить в авоську холодный расстегай, чтобы доесть дома. Задайся случайный прохожий вопросом, кто же предоставил гроб, крест и машину, он мог бы сразу и не найти ответ, и пришлось бы ему обращаться к раздраженному водителю.

Водитель, между прочим, тоже недоумевал: зачем везти гроб в машине со снятыми бортами, если некому даже присмотреть за тем, чтобы не вывалились на дорогу гроб и крышка, а также крест с косо прибитой на сапожные гвоздики фанерной табличкой, на которой кто-то торопливо шариковой ручкой нацарапал: «МИЛЕНЬКИЙ Святослав Аполлинариевич, 8 марта 1940 – 24 июня 1980»? Почему нельзя быстро-быстро доставить заколоченный гроб из морга на кладбище в машине с поднятыми бортами? Это ж Миленький! Кому в здравом уме и доброй памяти может прийти в голову хоронить Миленького вот так, это ж смех на палочке – ни провожающих, ни сочувствующих.

На перекрестке «газик» замер у светофора. Вот тут-то кто-то из случайных прохожих и разглядел лицо покойного.

– Твою мать, неужто Миленького повезли?! – изумился прохожий вслух.

И хотя обращался он к самому себе, возглас его был услышан. Пешеходы, наплевав на зеленый, столпились у кузова.

– Еперный тиатыр, и правда – Миленький! – подхватил один.

– Миленький помер! – крикнул другой.

– Э, старик, у тебя в кузове что – Миленький? – спросил у шофера, бесцеремонно распахнув кабину, молодой человек в солнцезащитных очках на пол-лица.

– Ну, – нетерпеливо кивнул водитель. – Дверь закрой, уже желтый.

Но молодой человек не закрыл дверь и – даже напротив – обернулся к публике и объявил хорошо поставленным на комсомольских, очевидно, собраниях голосом:

– Товарищи, я все уточнил. Действительно, Миленького хоронят!

Шофер пару раз сердито утопил педаль акселератора – мол, не задерживайте движения, граждане, расходитесь, дайте дорогу. Превращение своей машины в катафалк шофер переживал очень остро и хотел как можно быстрее покончить с неприятной обязанностью. Что поделать, шофер тоже был молод, порывист, и ехать на первой передаче ему казалось унижительно. Особенно когда в кузове лежит такое тело.

Но не тут-то было. Молодой человек, обернувшись к водителю, сказал:

– Старик, не гони. Прояви уважение к покойному.

Водитель наклонился к блюстителю морали ближе и рекомендовал идти на хутор бабочек ловить, после чего резко захлопнул дверь, снял автомобиль с ручного тормоза, выдал сцепление и включил вторую передачу с твердым намерением ехать так быстро, как только

позволит техника. Но прежде чем тронуться, он посмотрел в зеркало заднего обзора. И присвистнул, потому что за «газиком» выстроилась траурная процессия. Закончить по-быстрому не получалось.

Процессия выглядела слишком нарядной. Единственным ахроматическим пятном в толпе был одетый по форме и страдающий от жары совсем юный сержант милиции. Оказался он здесь случайно: остановился у бочки с квасом утолить жажду, а тут вдруг столпотворение рядом с проезжей частью. Не зная, как реагировать в такой ситуации, он потянулся было к свистку, но тут выяснилось, что это похороны, и неорганизованная людская масса тотчас выстроилась в узкую очередь за «газиком». Решив, что представителю власти не мешает проследить за порядком и далее, сержант влился в процессию и сейчас сосредоточенно думал о том, что написать в объяснительной начальству. Остальной же народ, одетый легко и пестро, шел за грузовиком как бы даже и без намека на скорбь. Тут и там слышались веселые возгласы и смех: процессия вполголоса обсуждала покойного.

– Надо же, а я думал – он старый совсем, – говорил своим спутницам – двум юным девам едва ли восемнадцати лет – тот самый молодой человек, что минуту назад уточнял у шофера имя покойного. – А он, оказывается, моложе моей бабки – ему ж только-только сорок стукнуло!

– Ты бы с его попил – такой же старый сделался бы, – тихо, чтобы не услышал покойный – ведь они шли за гробом самые первые! – сказала блондинка в красивом голубом платье. – У него самогонный аппарат был, знаете?

– Ну и что? – пожала загорелыми в крапинку плечами рыженькая спутница молодого человека, одетая в сарафанчик, напоминавший летний луг – оранжево-желто-красно-зеленый. – Че ты такая наивная, Элка? Чуть ли не в каждом доме такой аппарат имеется, даже у нас, даже у начальника милиции. Не про то ты говоришь.

Элка покраснела.

– Марин, давай не будем? – заступился за Эллу молодой человек.

– А чего – не будем? – возмутилась Марина. – Можно подумать, я напросилась за этим козлом старым идти.

– Нельзя так о мертвых, – попытался он урезонить подругу.

– Вот еще! А если он заслужил? Всю жизнь жил, как свинья, а ему тут уважение выказывай. Тебе-то хорошо, он за тобой не подглядывал, когда ты в баню ходил.

– Марина... – Молодой человек опасливо обернулся назад. Многие члены процессии внимательно слушали пламенное выступление рыженькой Марины.

– Че Марина, че Марина-то? – еще громче возмутилась она и тоже обернулась. – Бабы, ну скажите – козел был этот Миленский?!

Баб – и молодых, и постарше, и совсем пожилых – в толпе было достаточно, и даже гораздо больше, чем мужчин. Каждая из них имела зуб на усопшего, и Марина вправе была услышать дружное подтверждение своих слов. Однако секунду назад шумная и – чего греха таить – радостная процессия вдруг замолчала. Слышно было лишь шарканье подошв и стук каблучков об асфальт.

Возможно, кого-нибудь другого – ту же Элку – всеобщее молчание смутило бы, но Марина была явно не из таковых.

– Ах вот, значит, как! – крикнула она. – То есть вам всем нравилось, что он за вами в бане подсекал, на огороде, в раздевалках? Может, вы ему и специально все демонстрировали? Ну ладно тогда! Тогда надо уважить покойного, дать ему то, чего он при жизни недополучил.

С этими словами Марина стянула через голову сарафан и дальше шла уже в купальнике-бикини, предусмотрительно надетом для похода на речку.

– Эй-эй, гражданочка, полегче, прекратить заголяться на похоронах! – прикрикнул сержант и стал пробираться сквозь толпу к возмутительнице общественного порядка. – Немедленно оденьтесь, не то я вас в отделение! Как можно – на похоронах!..

Но, странное дело, аморально поступившую Маринку молчаливая толпа, только что не поддержавшая злословия, осуждать тоже не торопилась. И даже какая-то молодая женщина – лет тридцати или около того, взяла да и расстегнула блузку, явив миру несоветского производства кружевной лифчик.

Примеру женщины последовала другая, третья, и вскоре почти все плакальщицы разоблачились до нижнего белья, большей частью отечественного производства. Однако мужчин это не смущало, поскольку они думали в основном не о форме, а о содержании.

Народ, наблюдавший странные похороны со стороны, словно магнитом притягивался к медленно шествующей процессии и тоже вливался. Женщины, оказавшись среди провожающих, немедля начинали стягивать с себя верхнюю одежду.

– Элка! Элка! А ты че, особенная? – громким шепотом обратилась Марина к подружке. – Снимай платье!

– Дура, что ли? – испугалась Элка. – Я лифчик не надела.

– И что? Значит, можно выделяться, да? Ну хочешь, я тоже лифчик сниму!

– Ты дура, что ли? Мы же комсомолки!

– Раздевайся, говорю! – И Маринка решительным движением расстегнула на Элкиной спине молнию.

Элка сначала отчаянно сопротивлялась, но решительная Маринка подавила протест и стащила с подружки платье. Элка прикрыла грудь руками.

– Не прячь красоту-то! – рывкнула Маринка и сама сняла лифчик. – Похороны – так похороны!

Подумав еще немного, Маринка избавилась и от трусов. На какое-то мгновение сердца мужчин, увидевших это, перестали биться, а потом заколотились в бешеном ритме. Сержантик, порывавшийся остановить глумление над памятью об усопшем, увидав Маринку со спины, потерял волю и теперь пытался не упустить ни одного движения девушки.

Элка, деморализованная поступком подружки, безвольно опустила руки, продемонстрировав размякшему молодому человеку, снявшему очки для лучшего обзора, мраморную белизну своих персей, увенчанных нежно-розовыми пиками сосцов. У Маринки, к слову, перси были такими же загорелыми, как и она сама, и даже под купальными трусиками не было незагорелой кожи.

– Рот закрой, трусы видно, – сказала Маринка какому-то зеваке, и продолжила независимо идти за машиной.

Элка сначала стеснялась, а потом тоже сняла трусики и далее шла бок о бок с подружкой. Они даже за руки взялись, поддерживая друг друга.

Вдруг машина остановилась. Из кабины выскочил бледный не то от страха, не то от гнева водитель.

– Да вы что тут за блядство-то развели, граждане товарищи?! – заорал он, и голос его от волнения дал петуха. – Это ж похороны, мать вашу! Мы ж не в Америке, в советском же государстве живем!..

Ответом водителю было почти одновременное сбрасывание женщинами одежд. Мужчины буквально застонали.

– Я никуда не поеду, пока...

Но шофера никто не слушал. Совершенно голые Маринка с Элкой вспрыгнули в кузов и с помощью своего молодого человека сдвинули гроб к краю машины. Тело Миленского подхватили другие обнаженные женщины и понесли дальше на руках. Мужики взяли крышку и крест, а также брошенные женщинами прямо на асфальт одежду, белье и сумки. Маринка с Элкой грациозно спорхнули обратно в толпу, и далее процессия, возглавляемая молодыми красивыми девушками, следовала уже сама по себе, без машины, втягивая в себя все больше и больше народу.

Покойный лежал в гробу с блаженной улыбкой на устах. Похороны удались.

29 апреля 1980 года

1

Проводник уныло звенел ложечкой в стакане.

– Говорил я тебе, что на электричке надежнее, – попенял он Таське, безо всякой, впрочем, злости. – Там проще от проверки загаситься.

– Вы же говорили, что проскочим! – с неуместным в ее положении сарказмом заметила Таська.

– Да кто ж знал? Только позавчера проверка была, думал, нынче спокойно будет. Видать, стукнул кто-то, что ты без билета едешь. Верка, наверное, из десятого. Ну, баба... Когда просечь успела?

На часах в купе проводника было без пятнадцати шесть утра. Час назад в их вагон внезапно нагрянула проверка, причем не просто так, а конкретно к Таське, которая ехала на свободной полке без билета. Проверяющих было двое: начальник поезда и линейный милиционер, лица у обоих злые и невыспавшиеся. Таська сразу поняла – приехали. Теперь протокол, снимут с поезда, позвонят домой, Хомяк опять расстроится... А ведь почти уже добралась, всего-то десять часов оставалось до вождя Ленинграда.

К чести проверяющих, орать на весь вагон, будить пассажиров они не стали. Велели сидеть в купе проводника и ждать своей участи, а сами ушли связываться с ближайшей станцией.

– Дяденька, отпустите меня, а? – попросила Таська.

– Да мне-то что, – сдерживая зевоту, ответил проводник. – Иди на все четыре стороны. Все равно меня уже премии лишили.

Таська покраснела и опустила глаза. Самое последнее, чего она хотела – это подводить проводника. Он был хорошим дядькой: она вчера лишь намекнула, что билета нет, а он сразу все понял, прикинул что-то в уме и велел прыгивать. Не приставал, давал не только чай, но и бутерброды и даже сунул тайком в ладошку мятый рубль, чтобы Таська могла в вагон-ресторан сходить, супчику похлебать...

Проводник зевнул, не прикрывая рта, громко клацнул зубами и передернулся всем телом, отгоняя липучий в это время суток сон. Потом наклонился и заговорщицки прошептал:

– Мой тебе совет, девка, – сиди на жопке ровно. Авось пронесет. Дануево скоро, там минуту всего стоим. Может, у них на станции штат дежурных неполный, некому будет тебя принимать. Дальше на электричках поедешь, все шурики так делают. На, глотни чаю с бутербродом, когда еще в следующий раз перекусить удастся...

Таська послушно приняла стакан и бутерброд.

– Дяденька, а если?..

– Хватит шкнить! – резко оборвал ее проводник. – Хватило ума в историю вляпаться – думай теперь, как расхлебывать будешь. Самое плохое что тебе будет? Ну родакам штраф заплатить придется, ну отправят обратно домой. Самое худшее – по жопе получишь. А мне квартальную премию зарежут, и ладно, если только квартальную. Думай! Язык у тебя хорошо подвешен, иначе бы ни за что тебя не посадил. Вот и заговаривай зубы дальше. Мир, знаешь, не без добрых людей, авось помогут.

Он оказался почти прав.

В это же время проводница Верочка из соседнего вагона уже хлопотала во втором купе. Единственный его пассажир отправился умыться и почистить зубы, а Верочка заботливо сервировала стол – вареные яички, хлеб, масло, тарелочка с тонко нарезанными сервелатом и сыром, банка растворимого кофе, рафинад, стакан с кипятком.

Дверь отъехала в сторону.

– О, Верунчик, да ты просто какая-то фея-крестная, – восхитился пассажир, который был, наверное, лет на десять-пятнадцать моложе «Верунчика». – Такой стол!

– Да ну вас, Степан Борисыч, засмутили меня всю, – Верочка зарделась. – Чем, как говорится, богаты...

– Очень ценю твою заботу, Верунчик, очень! – молодой человек бросил вафельное полотенце на верхнюю полку, уселся к столу и принялся с аппетитом завтракать.

– А вы же, Степан Борисович, правы оказались же, насчет безбилетницы-то, – сказала проводница, с умилением наблюдая, как ест пассажир. – Я же ведь начальнику поезда сказала же, он проверил – точно, девка молодая, в плацкартном, зайцем. Наверняка Гусельников ее пригрел, он же у нас любитель же. Ничего, сейчас ее в Дануеве снимут, а Гусельников без премии останется. Вот же идиот.

– Бдительность и еще раз бдительность, – кивнул Степан Борисович. – У меня глаз наметанный. Да что ж ты стоишь? Я справлюсь, не волнуйся, спасибо за заботу.

Вытолкнув проводницу из купе, Степан Борисович заперся изнутри, чтобы не слушать уже назойливого щебетания красотки бальзаковского возраста и спокойно поесть. Надоела она ему еще в Тагиле, но располагать к себе людей – это навык, который нужно постоянно тренировать. И чем неприступнее собеседник – тем лучше.

Верочка, конечно, была слишком легкой задачей. Не задачей даже, а проверочным заданием, повторением пройденного. Таких проводниц, продавщиц, кассирш, контролерш Степан Борисович Спиридонов (двадцать пять лет, уроженец Нижнего Тагила, не женат, русский, образование высшее) должен располагать к себе одним взглядом. Что он, впрочем, упиваясь собственным всемогуществом, делал направо и налево.

Теперь его ждала задача более сложная. Могла она обернуться для лейтенанта госбезопасности Спиридонова потерей погон, а может, и чем похуже.

Он аккуратно съел все до крошки, но это была уже детская привычка, а не плод долгих тренировок. Запив завтрак остатками остывшего кофе, Спиридонов выглянул в окно. Поезд еще не замедлял ход, но мельтешение деревьев прекратилось, потянулись обшарпанные предместья заштатного населенного пункта с менее чем двадцатью тысячами населения. Судя по тому, что поезд движется согласно расписанию, остановка будет через шесть минут. Пора собираться.

Спиридонов тщательно вытер губы и руки полотенцем, снял трико и футболку, аккуратно сложил их в пакет, пакет засунул в чемодан, в отделение личных вещей. Туда же легли мыльница с мылом, электробритва, зубная щетка и тюбик с пастой, тюбик с лосьоном после бритья, пакет с домашней обувью.

Покончив с багажом, Спиридонов начал одеваться, придирчиво осматривая свое отражение в зеркале.

Железнодорожный вокзал города Дануево (360 лет, левый берег реки Дануй) представлял собой деревянное здание тысяча девятьсот пятого года постройки, был памятником деревянного зодчества местного значения, чудом уцелел во время войны, когда вокруг шли ожесточенные бои, и теперь поддерживался штатом сотрудников в образцовом порядке.

Здесь было всего два пути, деревянный перрон, водонапорная башня из красного кирпича, напоминавшая средневековый донжон, и маленький скверик с непременно Владимиром Ильичом в тени лип и берез.

Поезда через дануевскую станцию проходили не останавливаясь, если не считать двух утренних и двух вечерних пассажирских составов. Стояли они не дольше двух минут, и обычно ездили на них сами железнодорожники – кто по околотку, кто в контору, так что открывались во время остановки только двери общего вагона в голове или в хвосте состава, в зависимости от направления.

Однако сегодняшнее утро не было таким сонным и безмятежным, как обычно.

Пассажирский поезд сообщением Свердловск – Ленинград пришел, как всегда, вовремя. Локомотив привычно застыл у водонапорной башни. А вот дальше все пошло совсем не так. Вместо дверей общего вагона, откуда обычно вываливались, покачиваясь не то от выпитого ночью, не то с недосыпу, двое-трое-четверо путейцев, открылись почему-то девятый и десятый вагоны.

Впрочем, не будем бежать впереди поезда. Тех самых двоих подвыпивших и невыспавшихся путейцев, обычно ехавших в общем вагоне, сегодня выдернул с нагретых мест начальник поезда. Он так и не смог связаться ни с диспетчером, ни с милицией на вокзале и потому решил привлечь для восстановления справедливости коллег из путевых частей.

Путейцы, дыша в нос, пришли в девятый вагон, где девку-безбилетницу уже вывел в тамбур проводник.

– Мужики, вы это...

Проводник хотел что-то сказать, но в это время в тамбур вышли еще и начальник поезда с милиционером. Поезд как раз начал замедляться.

– Так, – сказал начальник путейцам. – Вот ее и передадите в отделение.

– Михалыч, – нерешительно сказал проводник. – Отпусти ты ее, ну не бандитка же.

– С тобой, Гусельников, я потом поговорю, с глазу на глаз, – резко ответил начальник. – Отпирай дверь.

– До полной остановки не положено, – огрызнулся проводник Гусельников.

В мутном окне тамбура поползло здание вокзала, с улицы слышался резкий нераспознаваемый голос диспетчера, скорей всего сообщающий о прибытии поезда и времени его стоянки. Заскрипели по колесным парам тормозные колодки, поезд резко дернулся и встал.

– Открывай, – снова потребовал начальник.

Гусельников открыл дверь, тщательно закрепил, убрал подножку и протер поручни.

– Выходи, – велел начальник безбилетной пассажирке.

– Не выйду, – ответила она и вцепилась в дверную ручку.

Путейцы недоуменно посмотрели на начальника.

– Тащите ее отсюда, – распорядился начальник.

И путейцы потащили. Один схватил безбилетницу под мышки, другой попытался ухватить за ноги, но девица начала жестко брыкаться и визжать:

– Отпустите меня! Не имеете права! Ац-цы-питеееесь!

Видя, что путейцы вдвоем не справляются, на помощь им бросился сержант. Он умудрился поймать левую ногу пассажирки, когда она почти пнула второго путейца, и крикнул:

– Хватай вторую ногу!

Второй путеец, разозлившись, поймал правую ногу, и они поволокли пассажирку вон.

В это время распахнулась дверь десятого вагона, и путевой обходчик, оказавшийся как раз напротив, увидел сначала пухленькую проводницу не первой молодости, которая проворно убрала подножку и торопливо вытерла поручни от пыли и копоты. Она выскочила на деревянный перрон, и обходчик увидел следующего персонажа. Сначала показались надраенные до зеркального блеска туфли. Потом – остро отточенные брюки оттенка кофе с молоком. Кожаный чемодан. Модный пиджак того же кофейно-молочного цвета. Белая сорочка и стального цвета галстук в диагональную полоску. Выбритое до синевы серьезное лицо. Строгая стрижка.

Особист, подумал обходчик, и поспешил дальше, постукивая молотком на длинной ручке по тормозным колодкам. Особист же Спиридонов спустился на перрон, улыбнулся Верочке дежурной улыбкой и поблагодарил за приятную поездку.

– Что там за шум?

– Да безбилетницу снимают.

– Прямо здесь?

– А чего тянуть?

– Действительно. Ну что ж, Верунчик, прощай, счастливого тебе пути.

– И вам, Степан Борисович, и вам... – сказала Верочка, поднялась в вагон и опустила подножку.

Милиционер с путейцем уже почти вынесли ноги безбилетницы на улицу, когда слишком свободные в талии, протертые почти до дыр джинсы соскользнули с ног девицы. Мужчины не удержали равновесия и вывалились на дощатый настил почти в обнимку, к ногам особиста.

Девица, на которой под джинсами были только бабские серые труселя, змеей вывернулась из захвата другого путейца и сама спрыгнула на перрон.

– Уроды! Какие же вы уроды, а! – сквозь слезы бормотала она, вырывая штаны из рук своих гонителей. Увидев Спиридонова, она снова взвизгнула и, завладев, наконец, штанами, торопливо прикрыла себя с фронта.

– Это что за стриптиз вы здесь устроили с утра пораньше? – с иронией спросил Спиридонов. – Хорошо еще, что народу никого. Хотя...

Он посмотрел Таське за спину. Таська обернулась и увидела, как из здания вокзала, на ходу натягивая кители и фуражки, бегут три милиционера.

– Блин! – путаясь в штанинах, она стала надевать джинсы.

Поверженные мужчины уже встали. Проводник Гусельников поднял упавшую на ступеньки Таськину переметную суму, всю расшитую бисером, кожаными шнурками и люрексом, с бахромой из мулине, и отдал владелице с виноватым видом. Таська на проводника даже не смотрела – стыдно было, что у такого хорошего дядьки неприятности теперь из-за нее. Так и расстались, не сказав ни слова.

– Гусельников, Федоров, и так задерживаемся! – крикнул начальник поезда, выглядывая из вагона.

Локомотив действительно свистнул, состав дернулся – один раз, другой – и начал набирать скорость. Сержант вскочил в вагон, за ним впрыгнул проводник Гусельников, и на перроне остались только путейцы и Таська.

– Что за шум? – спросил лейтенант из местных стражей порядка, застегнув последнюю пуговицу на кителе.

– Так мы это... – вразнобой начали путейцы.

– А, это у нас Туханин и Людочкин, – усмехнулся милиционер. – Опять жареные.

– Толян, ну ты че, мы же не на работе! – сказал тот путеец, что недавно держал Таську за ногу.

– А чего хулиганите?

– Мы хулиганим? Мы вот эту с поезда снимали, она без билета. – И путеец ткнул пальцем в девушку. – Начальник поезда просил сдать ее в отделение.

– Документы есть? – спросил лейтенант у Таськи, которая беспокойно озиралась. Два других милиционера на всякий случай отрезали ей путь к бегству.

Впрочем, вертела головой Таська не потому что искала, куда бежать. Интересно ей было, куда испарился тот тип в костюме. Еще несколько мгновений назад он был рядом, а сейчас – фьють! – исчез.

– Чего? – переспросила она.

– Документы, говорю, есть? – терпеливо переспросил милиционер.

- Полная сумка.
- Идем в отделение, протокол составлять будем. Туханин, Людочкин, вы куда?
- Так, Толян, у нас же выходной!
- В отделение, я сказал. Свидетелями будете.
- Ну Толян...
- Единственный раз попросил вас проявить гражданскую сознательность, а вы в кусты?
- Ну выходной же...
- Напишу докладную.

Туханин и Людочкин понуро двинули на вокзал. Следом пошли лейтенант Толян и, в сопровождении двух милиционеров, Таська.

Спиридонов, стоя в тени сирени, проводил процессию взглядом, после чего обошел вокзал по едва заметной в разбушевавшейся весенней зелени тропке и вышел на привокзальную площадь.

2

Окно в кабинете председателя дануевского горисполкома было распахнуто. Во-первых, весна, за окном цвели яблони – и красиво, и дух хороший. Во-вторых, окно выходило прямо на улицу, а слух у председателя был прекрасный, и все, о чем говорили на улице, он слышал, будь то бытовая сплетня, политический анекдот или критика в адрес администрации. А в-третьих, отопление до сих пор работало, и в кабинете было нестерпимо жарко. По плану должны были выключить после майских праздников, но весна выдалась ранней, с середины апреля уже припекало, а сейчас был просто ад адский. Можно было бы решить вопрос – позвонить на ТЭЦ, распорядиться, чтобы прекращали топить, но была небольшая тонкость: аккурат Первого мая должна прибыть культурная делегация из-за рубежа, и если вдруг ударит дубак – можно и оскандалиться. Так что нехай кочегарят дальше.

В девять утра пиликнул селектор.

– Иван Иванович, к вам посетитель. Из Москвы.

Посетитель – это было их кодовое слово. Обычно Тамара спрашивала визитеров, как их представить и по какому они делу. Абстрактный «посетитель» обозначал товарищей из органов. А товарищи из органов означали лишние хлопоты.

Иван Иванович накиннул на шею извлеченный из ящика стола галстук, застегнул пару пуговиц на рубашке и официальным голосом разрешил:

– Запускайте.

Посетитель был хорош собой – богатырских статей красавец, молодой, почти юный, безупречно одетый, с открытым добродушным лицом. Лейтенант КГБ, отличник боевой и политической подготовки, к бабушке не ходи.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – поздоровался красавец, без стеснения прошел к столу, отодвинул стул и сел в свободной открытой позе, положив на стол черную кожаную папку, довольно тощую.

Председателя, однако, такие кунштюки не смущали. Он видел войну, фашистов, прошел довольно долгий путь от простого глиномеса до директора керамического завода, и ввести его в замешательство было трудно.

– Здравствуйте, – он привстал с места и протянул руку особисту.

Тому ничего не оставалось, как тоже привстать и ответить на предложенное рукопожатие.

– Чем могу быть полезен? – спросил Иван Иванович, садясь обратно в кресло. – Кстати, не расслышал, как вас зовут.

– Меня зовут Спиридонов Степан Борисович, я представляю здесь интересы государства.

– Как же, как же, – кивнул председатель: мол, разве ж я сомневаюсь? – Мы все их здесь представляем. Удостоверение можно ваше?

Гость достал из внутреннего кармана красное удостоверение и дал хозяину кабинета тщательнейшим образом изучить документ. Иван Иванович довольно улыбнулся – с лейтенантом он попал в точку – и уже менее официально спросил:

– Полагаю, вы к нам в связи с Миленьким приехали? Так у нас все под контролем, не переживайте, ваши коллеги вполне...

Спиридонов будто ожидал этого вопроса.

– Не совсем. Я к вам приехал в связи с визитом американской делегации.

– А что делегация? – удивился председатель. – Облисполком контролирует, Политбюро контролирует, ваши товарищи тоже контролируют. Мы вписываемся в сроки. Американцы как раз попадут на майские праздники! Вы же видели – на улицах полным ходом субботник идет!

– Вы меня не дослушали. Тут есть тонкий нюанс. Вы знаете, что ваш Миленький сейчас чрезвычайно популярен на Западе?

– Что? Миленький? На Западе? – искренне удивился Иван Иванович. – Чем это, извините, он популярен? И как умудрился?

Спиридонов развернул папку и расстегнул на ней молнию.

– Вот, полюбопытствуйте. Это вырезки из западногерманской, американской, французской и английской прессы. – И Спиридонов подвинул извлеченные из папки полоски газетной бумаги председателю.

Иван Иванович надел очки и долго рассматривал настоящие иностранные газеты.

– Вы меня извините, я, кроме «хенде хох», на иностранном ничего не знаю. Что там написано?

– Написано там, Иван Иванович, что русский фотохудожник Святослав Миленький весьма самобытен и его работы пользуются высоким спросом у художественных галерей и частных коллекционеров современного искусства.

– Чего? Это то, что он своей самоделкой щелкает? – Иван Иванович продолжал дивиться. – Это же тихий ужас, похабень.

– А вот загнивающий Запад думает иначе. Те его фотоработы, которые чудом проникли за рубеж – нам, кстати, предстоит выяснить, по каким каналам, а то местные комитетчики, похоже, совсем мхом поросли! – так вот, эти его поделки стоят баснословных денег. На аукционах «Сотби» и «Кристи» их покупают немногим дешевле Кандинского и Малевича.

Иван Иванович сидел, пораженный.

– Вот засранец, – сказал он, придя в себя. – А мы эти его картинки рвем и сжигаем. А можно было продать все буржуйам, а на эти деньги...

Особист перебил его:

– Полегче, Иван Иванович.

Председатель недоуменно посмотрел на Спиридонова:

– А что, я неправильно мыслю? Пусть приносит пользу, дармоед! Если там, на Западе, они любят такую безобразную пачкотню – пускай жрут от пуза. Как говорится – дай вам боже, что нам не гоже. Продать им все его карточки, нехай любуются. А мы на вырученные деньги дома построим, оборудование на заводе обновим. Мы же их так по миру пустим!

– Вы не понимаете, – мягко сказал Спиридонов. – Возможна идеологическая диверсия. Попросят американцы встречи с этим вашим самородком и предложат ему политическое убежище.

Лицо Ивана Ивановича забавно сморщилось.

– Что? Миленькому? Убежище?

Тут его разобрал такой смех, что Спиридонову на какой-то момент показалось, что мгновенно покрасневшее и надувшееся лицо Ивана Ивановича сейчас лопнет и забрызгает кровью все вокруг.

– С вами все в порядке? – спросил Спиридонов.

– Ох, Степан Борисыч, ох, насмешили, – хохоча, ответил председатель. – Обождите секундочку.

Все еще смеясь, Иван Иванович нажал на кнопку селектора:

– Тамара Александровна, чаю нам сообразите, пожалуйста! – После чего из нагрудного кармана пиджака, висевшего на спинке кресла, достал носовой платок и вытер глаза, из которых уже лились слезы.

– Я сказал что-то смешное? – с недовольством спросил Спиридонов.

– Нет-нет, Степан Борисович, вы ничего смешного не сказали. Тут, так сказать, местный непере译имый юмор. Ох... – он глубоко вздохнул, успокаиваясь, и посмотрел на гостя: – Вы хотя бы представляете себе, кто такой Миленский? Справки у местного комитета наводили?

Спиридонов фыркнул:

– Диссидент махровый ваш Миленский, вот кто.

В это время открылась дверь, и в кабинет, пятясь, вошла секретарша Тамара Александровна. Она держала большой поднос, на котором, слегка подрагивая, будто от страха упасть, стояли красивые фарфоровые чашки, чайник и сахарница. Спиридонов еще в приемной удивился, что у председателя горисполкома секретарше явно лет сорок, и это не обычная секретутка, которых держат при себе директора заводов или городские начальники. Тамара Александровна была недурна собой, но строга до чопорности и призвана, очевидно, вызывать у случайного посетителя робость.

– Тамара Александровна, спасибо, голубушка, – сказал председатель. – Распорядитесь, чтобы Леонтьев машину подогнал минут через двадцать, к Миленскому поедем.

Тамара Александровна, пройдя к столу, поставила поднос рядом с папкой Спиридонова и с раздражением сказала:

– Опять этот Миленский. Дурдом по нему плачет.

Председатель встал с кресла, обошел стол справа и уселся на стул напротив гостя.

– Думаете? – он лукаво посмотрел на помощницу. – А вот товарищ из госбезопасности считает, что в нем кровно заинтересованы наши враги.

Тамара Александровна, заметно оживившись, сказала:

– Вот и хорошо, пускай забирают! Зачем он нам? Асоциальный тип! Нехай катится на все четыре стороны, маньяк сексуальный!

Иван Иванович обернулся к Спиридонову:

– Вот видите, народ отпускает Миленского на все четыре стороны. Может, стоит прислушаться? – И тут же снова посмотрел на секретаршу: – А между тем, любезная Тамара Александровна, наш гость утверждает, что работы Миленского на Западе больших денег стоят. Прямо как Малевич и этот... как его... Кандинский!

– Тьфу, дерьма-то, – Тамара Александровна презрительно посмотрела в окно. – Да я сама лучше нарисую! Вот, тоже мне, нашли кем восхищаться. У нас на заводе Болотов, художник-оформитель – вот тот талант, ничего не скажешь. Вы видели на входе портрет Леонида Ильича? Это Болотова работа, вот кто настоящий художник.

Секретарша ушла, грозно стуча каблуками, и так резко закрыла дверь, что поток воздуха долетел до мужчин, а Спиридонову показалось, что сейчас косяк выскочит. Впрочем, у самого косяка Тамара Александровна дверь придержала.

Председатель восхищенно поцокал языком и сказал:

– Серьезная женщина! Беспартийная только. Иначе бы далеко пошла.

Он разлил чай по чашкам и кивком предложил гостю присоединяться:

– Сейчас попьем чайку и поедем смотреть нашего Миленского. Кстати, обратите внимание, – он кивнул на сервиз, – производство нашего завода керамики. Видите, какая форма изящная? И расцветка веселая. Что нарисовано – сам не разберу, но глаз радует. Тоже Миленский. Он, засранец, что ни придумает – все весело выходит.

Спиридонов удивленно посмотрел на чашку, из которой пил. Форма у нее и впрямь была изящная, а абстрактный рисунок непрерывно превращался то в обнаженную женщину, то в зимний пейзаж с холмами, то в какого-то хищника, подкрадывающегося к добыче.

Председатель продолжил светскую беседу:

– Вы утренним поездом прибыли? Шестичасовым?

– Да.

– Не подумайте, что я подозреваю вас в чем-то, просто городок-то у нас невелик, значных мест нет, магазины и столовые с восьми работать начинают. Я несколько раз подымал вопрос в обкоме – мол, если утром человек приедет, то ему и податься некуда. Нерентабельно, говорят, да и никто к тебе, говорят, Маховиков, не ездит, так что успокойся. Ан вот – приехали же. И что? Вы три часа на вокзале ждали?

– Зачем на вокзале? Сначала в местный комитет зашел, командировочное отметил. Потом в гостиницу заселился.

– И как вам?

– Весьма недурно для вашего городка. Хотя как вы будете там делегацию размещать, не понимаю – номеров-то одноместных всего три. А американцы, между прочим, коллективизма не любят, им обязательно нужен отдельный туалет, отдельная душевая.

– Что вы, делегацию мы разместим в заводском доме отдыха, в санатории. Гостиница у нас пока... кхм... не в приоритетах.

– Почему?

– Да все потому же – не ездит никто. А потому и не ездят, что некуда.

– А как же вам удалось американскую делегацию заполнить?

– Да черт их знает, какая их муха укусила. Захотелось им старинные русские города посмотреть. Вот мы как-то и оказались на их маршруте. Между прочим, прокладывали-то его не у нас, а у вас, в Москве. Может, вы сами и прокладывали.

– Это уже не в моей компетенции.

Иван Иванович посмотрел на настенные часы.

– Ну так что, прокатимся? – спросил он.

– Прокатимся, – легко согласился Спиридонов.

Председатель ему почти нравился. Хороший мужик – деловой, спокойный, без барства этого мелкопоместного. Но при этом какой-то слишком самостоятельный и слишком умный. Или настолько опытный, что сразу в корень зрит? Спиридонов и в самом деле приложил руку к маршруту, по которому американская делегация будет двигаться из Москвы в Ленинград. Правда, никто об этом не знал. Пока не знал, потому что подлог наверняка всплывет. Единственное, на что надеялся Спиридонов, – неповоротливость системы. Сразу никто не догадается, что это не ошибка, а спланированная акция. А потом Спиридонов будет уже далеко.

Они вышли на улицу. У входа в исполком их ждал «уазик».

– Вы ездите на «козле»? – удивился гость. – Вам же по статусу «Волга» полагается.

– Да вы садитесь, – председатель распахнул заднюю дверь, приглашая Спиридонова.

Лейтенант послушно сел в автомобиль, Иван Иванович расположился рядом и сказал водителю:

– Леонтьев, давай к Миленскому. Только не гони, ладно?

– Понял, не дурак, – покладисто ответил Леонтьев.

Машина фыркнула и мягко пошла вперед.

– Ну вот, – продолжил председатель, когда «козел» вырулил на проезжую часть, – сейчас вы увидите, как мы тут живем.

Улица, по которой неторопливо катил «уазик», была, по всей видимости, главной артерией города. Народу не очень много – прохожие в основном дошкольного и пенсионного возрастов. Изредка попадались небольшие группы взрослых – дорожные рабочие белили бордюры, кто-то вывешивал красные флаги на фасады домов, двое монтеров с автовышки натягивали через дорогу транспарант «НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ!».

– Да у вас тут учебные фильмы снимать можно, – улыбнулся Спиридонов. – «Как должен выглядеть развитой социализм».

– Это не моя заслуга, предшественника моего, Отинова Дмитрия Гаврилыча, – отмахнулся Маховиков. – Да, если подумать, и он ни при чем, просто традицию соблюдал. У нас тут беспорядок только во время войны был, а так, сколько помню, всегда чистенько и пустынько. Если надумаете в музей наш зайти, там много фотографий дореволюционных, и везде одно и то же – пустота и чистота.

– А в чем же ваша заслуга?

– А вы у народа потом спрашивайте. Только я вам наперед скажу – ругать будут. Как и Отинова до меня ругали. А до него Лапина. Спросишь прямо – чего тебе, мерзавец, не хватает? Улыбается – все ему хорошо. А за глаза и воров тебя обзовет, и вредителем.

– А вы, значит, не вор?

– А хоть бы и вор, разве ж я сознаюсь? – рассмеялся председатель. – Город у нас маленький, все у всех на виду, как в деревне. Врать не буду – народ у нас ушлый, своего не упустит. Но это не вороватость, а предприимчивость. Валяется вещь без дела день, неделю, гниет. Кому не надо – тот и пройдет мимо. А кому надо – поднимет и к делу пристроит. У нас план по сдаче металлолома никогда не выполнялся. И по прочему утильсырью мы тоже в отстающих. Потому что у нас вещи служат, пока не разваливаются. Не поверите – до сих пор в городском хозяйстве два бульдозера, которые из подбитых танков собрали. Семь школ в городе, и в каждой есть по грузовику – ребят автоделу обучать. Списывают ведь транспорт, его на улицу не выгонишь, а тут и ребятам польза, и хозяйству – у нас даже девчонки в городе умеют машину водить. Транспортных происшествий за год – ноль целых хрен десятых! Да вон, Леонтьева спросите. Леонтьев, ты с какого возраста за баранкой?

– С десяти.

– Вот, а сейчас ему, обалдую, двадцать пять. После армии к нам устроился. Леонтьев, ты ведь Отинова возил?

– Я.

– А Самойленко?

– Тоже я.

– И будьте уверены – до пенсии здесь проработает, а то и дольше. До него водитель был Поликарпов – до смерти за баранкой. Леонтьев, Поликарпову сколько было?

– Кому Поликарпов, а кому и Самсон Леонтьевич. Восемьдесят три ему было.

– Вот, я же говорил, – довольный глава исполкома откинулся на спинку сиденья.

– А куда вы предыдущих глав администрации деваете? – спросил Спиридонов.

– Странные вопросы. Разумеется, на повышение. От нас все только на повышение. Самойленко в облисполком ушел, Отинов – в министерство. Я, думаю, тоже по министерской линии пойду.

Спиридонов рассмеялся:

– Откуда ж такая уверенность?

Маховиков наморщил лоб.

– Ну во-первых, я это место только отбываю, не добивался я его. Во-вторых, я технолог по жизни, меня не руководство занимает, а оптимизация производства.

– А чего ж ушли с завода?

– Масштаб не мой. Вот я годика три еще здесь посижу – и в Москву. И кто за мной придет – тоже надолго не задержится.

Надейся, подумал Спиридонов, но вслух спросил:

– Значит, все у вас в ажуре?

– В полном.

– А если у вас такой ажур, то почему вы терпите в городе этого Миленького?

Председатель поерзал на сиденье – видимо, привык сидеть спереди, а сзади было непривычно.

– Тут, Степан Борисович, политические моменты учитывать требуется, – сказал он, устроившись поудобнее. – Предприятие у нас в городе одно – завод керамических изделий. Я сам с него начинал. Производим санфаянс, безделушки разные, очень много идеологической продукции лепим. А все благодаря кому, по чьим эскизам? Наш завод потому и в передовых, что по эскизам Миленького продукцию гонит. Разбирают все, как горячие пирожки, от унита-зов до сервизов. Не говоря уже об идеологической продукции.

– И ее Миленький?.. – удивился Спиридонов.

– Нет, что вы, у нас особый отдел за этим строго смотрит. Идеология вся у нас на Болотове, тот свое дело туго знает. К тому же у Миленького на политику идиосинкразия... я правильно произношу?.. да... Мы, чтобы без скандалов, на эту тему с ним вообще никогда. Зато все остальное – пожалуйста.

– Вас послушать, так он просто Герой соцтруда!

– Степан Борисыч, родненький, зачем вот так грубо слова мои перевирать? Про Героя соцтруда я ничего не говорил. Хотя столько, сколько Миленький за месяц работы на нашем заводе сделал – целый творческий коллектив за пятилетку не успевал. У него тут, видите ли, болдинская осень случилась. Вот на этой болдинской осени по сей день работаем. Да было бы у нас таких Миленьких на каждом предприятии – Запад бы у нас в ногах валялся и умывался слезами зависти. Вам бы на него только глазком взглянуть – сами обрыдаетесь. Ну какой Миленький диссидент? Неудачник, опустившийся человек, сами сейчас увидите. Но! – и тут прошу занести мои слова в протокол, или что там у вас? – никуда мы его не отпустим. Такая корова, как говорится, нужна самому. На нем экономика держится! Вот, кстати, мы и приехали.

«Козел» лихо развернулся и встал как вкопанный. Спиридонов посмотрел в окно, изменился в лице и обернулся к председателю.

– Вы куда меня завезли?

3

Менты оказались не какие-нибудь звери лютые, а обычные люди. Протокол линейного милиционера они сразу порвали и выбросили в урну. Мол, всякие сочиняют, а голова болит у нас. Связываться с несовершеннолетней девицей – а Таське едва исполнилось семнадцать – ментам не хотелось. Это оформление в приемник-распределитель, опять писанина: где, когда, при каких обстоятельствах... Вместо этого дежурные по вокзалу накормили ее домашней снэ-дью, напоили чаем, показали, где туалет, потому что от чая отчаянно хотелось в уборную. Хомяк был неправ – менты вовсе не страшные.

Лейтенант Забийворота, старший в наряде, пухленький мужчинка не то тридцати, не то пятидесяти лет с виду, мягко пожурил Таисию за безбилетный проезд, подарил старые подтяжки, бог знает каким образом оказавшиеся в ящике его стола (чтобы джинсы не сваливались), и отпустил на все четыре стороны.

– Чего? – не поняла Таська.

– Гуляй, говорю, свободна.

- Так я же...
- Мне что – оформлять тебя?
- Нет, не надо, спасибо.

Таська пулей вылетела из клетушки, которую занимало вокзальное отделение.

Мир действительно не без добрых людей, проводник Гусельников Таську не обманул. Она стояла на привокзальной площади, полной грудью вдыхая воздух свободы с растворенным в нем ароматом цветущей яблони, и радовалась, что Хомяк какое-то время может еще пожить спокойно.

Дверь за спиной громко хлопнула, и Таську окликнули:

– Эй, малахольная! Барахло-то свое оставила!

Таська вздрогнула и обернулась. Лейтенант Забийворота нес ее переметную суму.

– Ой, дура! – Таська звонко шлепнула себя ладошкой по лбу и повесила сумку на плечо. –

Спасибо, дяденька.

– Не дяденька, а товарищ лейтенант.

– Спасибо, товарищ капитан! – рассмеялась девушка и откозыряла прямой ладонью.

– Эх, кто вас воспитывает, – покачал лейтенант головой. Он собрался уже вернуться в отделение, но вдруг что-то сообразил и задержался. – А дальше-то ты куда собираешься?

– Как куда? – удивилась Таська. – Я в Ленинград еду, в Мухинку поступать.

– Опять зайцем? Тебя ж опять снимут, только в следующий раз точно домой, к родакам отправят. И как они тебя такую отпустили?

– У меня Хомяк придерживается свободных взглядов на воспитание.

– Какой еще хомяк?

– Ну папа мой. Я его Хомяком зову. Он мне ничего не запрещает делать.

– Я заметил.

Забийворота снял фуражку, вынул из нее носовой платок, протер лысину и шею.

– Вот что, девка. Есть у меня к тебе деловое предложение...

Таська внимательно выслушала мента. Хомяк предупреждал – с незнакомыми мужчинами разговаривать как можно меньше, не принимать никаких подарков или предложений, держаться мест, где много народу и можно позвать на помощь. Но она уже столько раз нарушала этот родительский наказ, что теперь-то уж и смысла не было о нем вспоминать. Тем более что предложение оказалось заманчивым.

– Идет, – согласилась она.

– Все поняла?

– Да поняла же, поняла!

– Не заблудишься?

– Ваши инструкции исчерпывающи, товарищ лейтенант.

– Забудешь...

– Я ничего не забываю!

Лейтенант скептически посмотрел сначала на Таську, потом на ее сумку.

– Ну смотри, заблудишься – я тебя искать не буду.

Таисия чмокнула милиционера в щеку и убежала.

– От идиётка, – хмыкнул Забийворота, прикоснувшись к поцелую пальцами. Проводил взглядом Таську и вернулся на рабочее место.

А Таська бежала, напевая «Шизгару», и чувствовала, как начинает любить этот город, этих людей и этот мир. При этом она повторяла про себя все, что сказал лейтенант.

«Короче, слушай. Сейчас пойдешь по главной – проспект Ленина называется».

Таська посмотрела на табличку с надписью «Проспект Ленина», аккуратно прибитую к стене, кивнула и пошла дальше. Судя по солнцу, улица была ориентирована на восток.

Навстречу ей торопился народ. Кто-то шел сам по себе, кто-то в компании, кто-то волок за собой детей – очевидно, в детский сад. Люди переговаривались вполголоса, дети плакали или умильно лопотали, из некоторых окон доносились обрывки радиопередач, песен – отечественных и зарубежных, даже где-то зудела гаммы скрипка. Все эти звуки Таське очень нравились, потому что она была сама по себе, и никто не вентилировал ей мозги.

Время от времени мимо дребезжали оранжевые рейсовые автобусы, до отказа забитые людьми. В обратную сторону они ехали почти пустыми. Таська испытывала к тем двум-трем пассажирам, которые ехали в пустом салоне, что-то вроде зависти. Едут себе, ни с кем не толкаются, не скандалят. Хоть какое-то время могут побыть в одиночестве. Таська не понимала, почему люди боятся одиночества. Те редкие моменты, когда она оставалась одна, всегда были самыми счастливыми.

Мысли об одиночестве прервал голос лейтенанта в голове.

«Улица длинная, никуда не сворачивай. Пройдешь до самого памятника Ленину, обогнешь его справа».

Этот Ильич был совсем не такой, как в сквере у привокзальной площади. Привокзальный Ленин, сидящий на скамейке и читающий газету, по пропорциям казался едва ли крупнее среднего мужчины. Если бы не постамент и не олифа с алюминиевой пудрой, которой выкрашили вождя, можно было бы подумать, что в скверике впрямь сидит и читает мужик.

Монумент же, воздвигнутый на площади, выполнен был из гранитных блоков, швы просматривались, но они придавали памятнику какой-то внутренней силы. Этот Ленин был высокой с трехэтажный дом, пальто на нем развевалось, он куда-то торопился – не то на митинг, не то на заседание Совнаркома. Выражение лица у Ильича деловое – наверняка уже знает, как реорганизовать Рабкрин.

Таська, дурачась, обошла памятник строевым шагом, печатая шаг, вздернув руку в пионерском салюте, равняясь на строгое выражение лица вождя. Разумеется, как и велел Забийворота – справа.

«Там увидишь автобусную остановку, – напомнил лейтенант. – Сядешь в «восьмерку».

Повертев головой, Таська увидела остановочный пункт с непременной скамьей из выкрашенных зеленой краской брусков на бетонных кубах, красно-белые перила, отделяющие проезжую часть от платформы, и пару пенсионерок с рюкзаками, саженцами и сумками, в которых с одинаковой долей вероятности могли находиться как удобрения, так и дневной рацион.

Подкатил полупустой автобус с цифрой 8 во лбу. Таська вошла через заднюю дверь и усеялась слева по ходу движения. Пенсионерки сели напротив, спиной к водителю. Двери с лязгом захлопнулись, автобус покатил. Пенсионерки тотчас перестали обсуждать методы борьбы с проволочником и уставились на Таську. Таське такое бесцеремонное разглядывание не нравилось. Ну да, выглядела она немного вызывающе в своем хипповском наряде, но менты же ей про одежду ничего не сказали... А эти смотрели так, будто Таська у них деньги украла.

«Не забудь купить билет, конец месяца, на «зайцев» охота! Вот, держи шесть копеек».

Таська снова шлепнула себя ладошкой в лоб, достала из сумки кошелечек с мелочью и подошла к билетной кассе. Она встала так, чтобы попутчицы видели, как три двушки одна за другой падают в щель плексигласового колпака. Несколько раз покрутив колесико на стальном боку кассы, Таська оторвала высунувшийся из щели, как язык, билет и торжественно вернулась на место. Тетки продолжили прерванный разговор, будто ничего не произошло. Таська уставилась в окно.

За окном сначала тянулся какой-то пятиэтажный микрорайон. Очередь у булочной, очередь у молочной кухни, очередь у продуктового – горожане ждали открытия магазинов. Потом микрорайон резко оборвался, и пошла лесополоса. Впрочем, лесополоса закончилась так же внезапно, как и началась, и потянулся длинный забор, сколоченный из горбыля, за которым виднелись плоские и двускатные крыши маленьких домиков, покрытых где-то толем, а где-то

и шифером. Через минуту автобус вписался в узкий, явно односторонний, поворот и остановился.

– Садовое товарищество «Сад и ягодка», конечная остановка, – объявил водитель по громкой связи.

Пенсионерки, кряхтя и охая, вышли из передней двери, Таська, как и вошла – через заднюю. Некоторое время она простояла перед воротами, дивясь на странное название товарищества. Забыв ворота затруднился прояснить этимологию топонима, он даже словосочетания-то такого не понял. Махнув рукой на эту тайну, Таська прошла в ворота и, ознакомившись с планом садов и огородов, направила стопы на улицу Цветочную, в самом конце которой, почти вплотную к забору, притулился садовый участок лейтенанта, с яркими петухами, нарисованными на ставнях маленького домика.

Она отворила калитку, ступила на импровизированный тротуар, которым служила расстеленная на земле транспортерная лента, и прошла к домику. Ключ от ригельного замка висел тут же, на косяке.

Обстановка в избушке была, прямо скажем, спартанская. У дальней стены двустворчатый шкаф и раскладушка, у окна стол, рядом с дверью тумбочка. На чердак вела приставная лесенка, но туда Таська пока не торопилась. Она снова вышла на улицу, чтобы посмотреть, что ей предстоит сделать.

А предстояло ей ни много ни мало – перекопать огород и грядки. Четыре сотки. И полную бочку воды набрать.

– Как справишься, так и куплю я тебе билет до Ленинграда, – скривившись, повторила Таська слова лейтенанта.

Она, конечно, для проформы поинтересовалась, не постричь ли еще розовые кусты и не отделить ли просо от пшена, но лейтенант юмора не понял.

– Согласная или нет? – спросил он.

Таська, конечно, была согласная. Хоть мир и не без добрых людей, но за добро надо платить добром. Четыре сотки – это не шесть. И земля здесь вполне ухоженная, видимо, Забыв-ворота свой участок любит и заботится о нем. Конечно, если бы не холостяцкая обстановка в домике, можно было подумать, что огородом занимается жена лейтенанта, но женой там и не пахло. Значит, один мужик мантулится.

Минут пятнадцать Таська готовилась к трудовому подвигу. Достала с чердака садовый инвентарь, подточила лопату напильником. Переоделась в ту одежду, что нашла в шкафу. Это была мужская клетчатая рубаха неопределенного цвета, слегка затхлая, но на свежем воздухе это не важно. Она надела рубаху на голое тело, завязала полы узлом на животе. Из своего на ней остались только бабьи трусища грязно-белого цвета, последние свежие. Галоши были Таське велики, и она решила работать босиком.

Эмалированные ведра тоже имелись. Таська сполоснула их из шланга, наполнила и поставила воду греться на солнцепек. Поднявшись по лестнице, засунула шланг в огромный сварной бак на ножках, установленный у самого забора, – видимо, там лейтенант грел воду. Пусть наполняется, пока она будет копать.

И только после этого, поплевав на ладони, взялась за черенок.

У них с Хомяком тоже был участок. Хомяк интересовался агрономией, смотрел передачи, читал специальную литературу.

– Культурный человек должен сам уметь о себе позаботиться, – говорил он, перекапывая участок.

Ладони у Хомяка, вообще-то бухгалтера по профессии, были жесткие и твердые, несмотря на весь беззащитный и никчемный вид. Хомяка все уважали за трудолюбие и образованность и презирали за эту его «связь с корнями». Начальник упрекал – мол, вы же интеллигент, что вы вечно, как алкаш, в резиновых сапогах по осени и в валенках зимой шастаете?

Никто же так не ходит. И огородничество это ваше: у вас зарплата маленькая, что ли, на прокорм не хватает?

Хомяк смиренно все выслушивал и не спорил, хотя зарплата была действительно невелика. А дочке говорил, что физической работы не нужно стесняться. Потому что в экстремальных обстоятельствах только человек, который умеет работать кайлом, лопатой и молотком, выживет сам и спасет окружающих. Что именно подразумевалось под «экстремальными обстоятельствами», он никогда не уточнял.

У него вообще была мечта – жить в деревне натуральным хозяйством: завести кур, свиней, овец, корову, кроликов, разбить огородик и заниматься лишь своим хозяйством.

– Хомяк, тебя раскулачат, – сказала Таська.

Она точь-в-точь повторила слова самого Хомяка, которые он сказал дочке, когда та предложила выращивать яблоки на продажу.

– Мы же для себя, – возмутился Хомяк.

– Раскулачат как единоличника.

Как и отец, Таська умела и не стеснялась работать. Копать, полоть, шить, стирать, готовить – все это она хорошо делала лет с восьми. Вот готова четверть огорода. Вот половина. Вот весь огород перекопан.

Вспотевшая, растрепанная, Таська довольно окинула взглядом дело рук своих. Плышало плеск воды, Таська обернулась и увидела, что из бочки стекает вода. Она шлепнула себя грязной ладонью по лбу – жест, перенятый от Хомяка, – и побежала перекрывать воду.

Завернув барашек крана, она подошла к ведрам, потрогала воду и осталась в целом довольна – можно начать постирушки. Четверо трусов, три пары носков, лифчик. Хозяйственного мыла на чердаке было кусков сто, наверное. В левом ведре постирала носки, в правом – белье, развесила на веревке сушиться. Все, теперь оставалось дожидаться лейтенанта, получить билет – или деньги на него, – и Питер в кармане.

Солнце шпарило, как летом. Можно и позагорать, но купальника не было, а голышом Таська стеснялась. Зато ее посетила прекрасная мысль – под баком, который она только что наполнила, у лейтенанта имелась маленькая импровизированная душевая кабинка, вроде деревянного сортира, но для мытья. Решив, что быстро сполоснуться не помешает, Таська взяла хозяйственное мыло и пошла смыть с себя грязь и пот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.